

ТРИЗНА ПО ГЕНЕРАЛУ

Рассказ

1.

— Ну как он?

— Думаю, осталось немного, — шепотом произнесла Франия. Она стояла на пороге в твидовом платье и серых туфлях. Ее томный взгляд не выражал ничего, делая законченным образ героини немого кино.

В тот самый момент из комнаты за ее спиной сквозь щель приоткрытой двери донеслось кряхтение и надрывный кашель. Через некоторое время кашель утих, перейдя в редкое икание, и послышался недовольный низкий голос, поставленный, привыкший исключительно повелевать, но до смешного гнусавый:

— Франия, кого еще там нелегкая принесла? С кем ты разговариваешь, блудливая bestия?

— Дорогой, это Герман, — Франия повернула голову к комнате и, желая быть на сей раз услышанной там, повысила голос.

— Какой, к черту, Херман? Только интервентов еще не хватало. Гони его в шею.

Франия плавно переместилась в другой конец прихожей и заглянула в комнату, спрятав за дверью голову, мясистым задом призывно глядя в коридор. Герман, не разуваясь, беззвучно подошел к ней и, не заботясь о том, чтобы оставаться незамеченным для обитателя комнаты, положил руку на обтянутую платьем выпуклость. Телодвижений возражения со стороны плоти не последовало. Тем временем голова на другом конце не отвлекалась, пытаясь что-то объяснить.

— Ладно, пусть войдет, — послышалось наконец из-за двери. — Только быстро, наступательным аллюром, а не парадным расхлябанным маршем. И не таким прикурить давали.

Теплая трепещущая масса под рукой Германа неожиданно пропала вместе с хозяйкой, вошедшей в комнату. Раздосадованный Герман остался один в прихожей и во всей безрадостной реальности. Вдруг дверь немного приоткрылась, из нее высунулась женская чуть заплывшая рука. Указательный палец с безобразным перстнем отделился от остальных четырех и поманил к себе. Кроме Германа в прихожей никого. Выходит — его. Обладательницы этого комплекта видно не было. По логике вещей, это должна была быть Франия, хотя Герман и не знал точно, как выглядит ее отдельно взятая рука. Он на мгновение зажмурился, пытаясь мысленно приставить к ней эту не такую уж соблазнительную конечность. Образ отказывался оформляться. Герман открыл глаза и осторожно наклонился, с уже гораздо большим интересом пытаясь разглядеть — настоящий ли камень в перстне. Он был отнюдь не знаток, но ему почему-то казалось, что при близком рассмотрении можно найти какие-нибудь надежные отличительные знаки. Тем временем, почувствовав, очевидно, на себе теплоту его дыхания, к пальцу, владельцу сомнительной драгоценности, присоединились остальные, и раскрытая пятерня начала нетерпеливо шарить в воздухе. Нашарив Германов нос, она грубо ухватила за него и рывком втащила за ним всего Германа в комнату.

На огромной кровати царских времен, высоко на подушках, жуя культю потухшей сигары и сопя, лежал тучный генерал. Вид он имел сердитый. Пепельно-серая кожа его оплывшего лица создавала впечатление сильно запыленной от длительной неподвижности. Герман обиженно потирал пострадавший нос, когда пропавший между огромными щеками генеральский рот вместе с очередным приступом кашля выплюнул обслонявленный огарок и в коротком перерыве между потрясающими грудь толчками изверг пренебрежительнейшие ругательства. Часть из них, неразборчивая, по-видимому, относилась к половой ориентации пришедшего гостя. Кашлевые толчки стихли, но генерал почему-то сразу перестал говорить. Потрескавшиеся губы, похожие на устриц, показались из-за красных бульдожьих щек и нервно задвигались, ища что-то.

— Франия, где мой табак? — раздраженно проговорил генерал.

Франия без тени безгласности подняла с ватного одеяла размокший огарок и осторожно вставила его на прежнее место, после чего эффектно очерченная, но наспех прорисованная Франия вернулась на место и встала у двери, сложив руки на округлом животике. Во взгляде ее по-прежнему светилась улыбка, барабан проектора

А

стандартных эмоций застрял в одном положении. Один вид улыбки на все случаи жизни. Универсальная. Но до невозможности милая.

Генерал продолжал свое горизонтальное существование с отрешенным выражением лица, а через минуту — уже закрыв глаза, которые так и не успели до конца разлипнуться. О том, что он еще жив, можно было понять только по детским хоботковым движениям губ, сосущих почерневший окуроч «дойче-вахте», да по редким рефлекторным толчкам грудной клетки, на которые он уже не удосуживался отвечать кашлем.

— Дорогой, это Герман, — ни к кому, собственно, не обращаясь, повторила Франия.

Вместо ответа генерал кашлянул, громко булькнув чем-то внутри. Многострадальный сигарный уродец снова вылетел, на этот раз — на пол.

Генерал скривил одну половину лица, как делают при громком боковом звуке, и повернул голову. Из-за жирной шеи этого оказалось недостаточно, и он недовольно засопел. Но поворачивать туловище не стал.

— Ходи сюда, отрок. У меня последнее время что-то неважно с глазами, — слукавил он.

Беспокойно пошамкав губами и посмотрев по сторонам, генерал недовольно нахмурился.

— Франия, где же ты, вавилонская блудница? Куда там запропастилась моя сигарка?

Франия торопливо собрала в складки подол и, обогнав Германа, подбежала к кровати, подняла с ковра огарок, аккуратно стряхнула с него пыль и нежным движением снова вернула его в заскорузлый рот. На этот раз противоположным концом. Герман тем временем осторожно, ровно настолько, чтобы не казаться откровенно наглым, подошел к изножью кровати.

Генерал уже опять закрыл глаза. Когда же он открыл их снова, то недовольно нахмурился одной половиной лица. Упорное одностороннее предпочтение мимики навело Германа на мысль, что это какой-то непроходящий паралич. На самом деле это была обыкновенная лень.

— А, это ты, сопляк, — от ощущения значимости предстоящей речи генерал, казалось, воодушевился, даже задвигалась вторая половина лица. — Что, рядовой, опять прискакал за денежками? Ну давай, не стесняйся. Ну что ты, что ты, не стоит... Что, местные кредиторы уже не дают? Да, пожалуй, это не наши, петербургские. Эти деньгам счет знают. И прохвостов видят насквозь.

— Дядя, я не... — начал Герман, но генерал резко оборвал его.

— Обращаться по уставу! Будет еще каждый плут меня на свой манер величать. Да еще у меня в штабе. Будто они вместе со мной да с Николаем Николаевичем, долгих лет, кстати, батюшке, на Петроград наступали. А пусть вот выкусят, штатские орлики! Соколики. Гуси-лебеди, мать их туды!

Генерал замолчал. Его сизое лицо залил густой девичий румянец. Он снова с остервенением выплюнул сигару и уставился в окно. Только бесноватые глаза продолжали вращаться по инерции.

2.

Наступила пора свету покинуть этот неприветливый скучный край. Берлинское небо на прощание начало загустевать, постепенно меняя цвет. Франия и Герман ушли в кухню, чтобы поесть и остаться наедине. Разговор с генералом так и не удался. Хотя, если говорить напрямую, Франия была уверена, что Герману и сказать было нечего. Нельзя же было выдать, что гость явился на его похороны.

Небольшая разношерстная эмигрантская община в Берлине жила бедно, что, впрочем, было обычно среди подавляющего большинства всех сбежавших из России и попрятавшихся по разным углам послевоенного мира. Обитатели квартиры номер двенадцать дома сорок восемь по улице Короля Вильгельма, несмотря на прежние чины и заслуги (в том числе и Франины — несомненно, более результативные, нежели исторические), исключением не были. Генерал стремительно сдавал. Звать врача к себе на дом по нескольку раз в неделю Франия была не в состоянии. Лишних хлопот добавлял и сам генерал, несколько раз отказывавшийся быть обследованным, требуя непременно русского врача. Доктору Бергеру приходилось довольствоваться исключительно данными внешнего осмотра капризного пациента, каждый раз подозрительно разглядывающего его и не отвечающего ни на какие вопросы. Благо, доктор был совершенно спокойным прагматичным иностранцем. И на единственное предложение генерала «зашить Франие чресла» никак не отреагировал. При последнем визите доктор Бергер сказал, что генералу, очевидно, осталось совсем мало. От безвыходности Франие пришлось удовлетвориться этим довольно неточным прогнозом. Оплачивать вызовы на дом она больше не могла. Недолго поразмыслив, Франия начала звать оставшихся в живых родственников на похороны никак не желающего отдавать концы генерала уже заранее...

Кухня, на которой они сидели, уже залилась красным предсмертным светом. Вечер цвел. Небо было ранено. По самому его краю сквозь ровную круглую дырку проглядывало багряное неоднородное нутро.

Франия взглянула на своего любовника, алчно пожирающего пустую тушеную капусту. Его рот был мясист до отвратительности. Франия почувствовала некий прилив жара. Так с ней всегда бывало, когда ее возбуждал какой-то мужчина. Противоположный пол она любила всякого возраста и сложения, но предпочитала быть взятой мужчинами с легкими внешними изъясками. Особенно если они вызывали жалость. Только бы без излишнего самоуничтожения. Это наводит нестерпимую скуку. Герман между тем продолжал молча поглощать дармовую

пищу. Его безобразные губы лоснились от жира и в вечернем освещении казались двумя копошащимися червями сладострастия.

Франя вздрогнула. Генерал вывел ее из пряного мира растопленной неги и щекотливых мыслей своим фирменным хрипом с бульканьем. «Что-то давно его не было слышно. Может, сдох и опять ожил. Надо уже и честь знать», — подумала она, недовольная, как любой человек при насильственном пробуждении. Она осмотрела их убогую кухню, настолько невзрачную, что вы даже не найдете здесь ее описания, затем опустила взгляд вниз, увидела свои руки. «Боже, как я состарилась. Ногти такие грязные». Она нервно сжала руки в кулачки и отвернулась к окну.

Она вспомнила, как ее, еще девочку, увидел в Киеве на набережной генерал, тогда всего лишь лейтенант, уже немолодой, но такой стройный, с властным взглядом... А как на нем сидел мундир, хромовые сапоги блестели на солнце черным огнем, а руки — в белых перчатках... Она видела военных и раньше, но когда он обернулся и захромал, так как одна нога оказалась значительно короче другой, у нее внутри что-то сжалось — и она поняла, что готова идти за ним хоть на край света. Он говорил, что бросит жену, что его обязательно повысят до полковника, что они будут жить зимой в Крыму, а летом уезжать в Петербург, что она узнает, что такое Европа. Но это мифическое слово не спешило ей открывать свое значение. А когда решилось, то предстало пред ней разрушенными послевоенными городами со странными домами и людьми, говорящими на непонятных языках; Петербург к тому времени уже стал Петроградом и был, как говорили, совсем не тот, что раньше; а жена, правда, теперь уже генерала, сама сбежала в Аргентину с каким-то аферистом. Не успела Франя порадоваться, как ее жизнь в один момент совсем скомкалась, всех зачем-то стали убивать, даже царя с детками; Петербург, который уже и не Петербург, оказался дальше Америки, а генерала, чьей боевой подругой она теперь гордо звалась, вдруг ненавязчиво попросили из патриархальной, почесывая затылок мушкой маузера. Генерал погрозил кулаком бесстыдным, бескультурным, безбожным, но почему-то все-таки победившим врагам, затем повернулся, взял Франю за руку, — и они, не мывшиеся в спешке отступления уже несколько недель, пошагали через польскую границу. Проводник взять выдаваемый за золотой канделябр в качестве оплаты отказался, потребовав доллары. Узнав, что никаких долларов у генерала нет, он развел руками, но, подумав, с сальной улыбочкой покосился на Франю. Только после того как срывающимся голосом генерал пригрозил его пристрелить и надругаться потом над телом, проводник взял подсвечник, но все равно всю дорогу многозначительно подмигивал Фране, которая в своей подавленности даже не заметила, как тот весьма мило косит одним глазом.

А потом шнапс, самый дешевый, ведрами. И часы пьяной болтовни о возмездии, боге, возрождении и отчизне. Вместо генеральши — должность жены безнадёжного разжиревшего алкоголика...

А теперь — вот эта кухня, это небо каждый день, Герман, не прекращающийся даже по ночам булькающий кашель за стеной и нетерпеливый стук в дверь...

3.

Сестра генерала, Катерина Осиповна, немолодая сухопарая женщина, с дряблой морщинистой шеей, выдававшей в ней даму, предпочитающую не молчать, и переспелую истеричку, вот уже две минуты стучала в обшарпанную дверь с жестяной табличкой «12», не получая ответа. Кнопки звонка не было — вместо него из оштукатуренной стены торчали два причудливо извивающихся проводка (Герман уже давно снял и обещался сделать, но, по-видимому, даже не представлял как). Катерина Осиповна в очередной раз особенно нервно стукнула по облупившейся поверхности двери и, пискнув от боли, прижала к губам ушибленные костяшки пальцев. А боль, оказывается, в Германии все та же самая.

Несмотря на годы, прожитые в эмиграции, Катерина Осиповна никак не могла привыкнуть к европейскому укладу жизни. А еще она была почему-то твердо уверена: чтобы не потерять лица на чужбине, надо постоянно демонстрировать достаток семьи, поэтому, собираясь к генералу, она надела шубу до пола (единственную, которую удалось спасти) и, разумеется, в ней моментально упрела. Пот покачивался на низком лбу крупными каплями и медленно стекал на толстый пористый нос; платка у нее при себе не было, приходилось смахивать прямо ладонью. Вторая рука, которой она удерживала за шарф нездорового вида девочку лет шести, тоже сильно вспотела, оттого шарф казался скользким. Катерина Осиповна уже начала понемногу нечленораздельно ругаться, жалея, что так тепло оделась, — и наплевать, что подумали бы эти проклятые немцы, — когда щелкнула задвижка двери. Но распахивать ее перед сестрой генерала никто не торопился.

Девочка, слегка придушенная непогрешимой рукой матери, удовлетворенно вздохнула.

— Что не здороваешься, самоназванная невестка? — зычным голосом сказала Катерина Осиповна месту, где молча, скрестив за спиной руки, стояла Франя, и нетерпеливо скинула шубу на потертое кресло в углу, закрывающее собой неопрятную дырку в полу. Оказавшись на свободе, девочка слегка порозовела и бессильно опустилась рядом с шубой.

— Вообще-то это не я пожаловала в гости. Я у себя дома — и привыкла, чтобы стоящие на моем пороге со мной здоровались первыми и обращались ко мне хотя бы в соответствии с простыми правилами приличия. К тому же вы приехали рано, я приглашала вас завтра, — в безразличных тонах проговорила Франя.